

Валери Жессика
Ланорт

HE

УЗНАВАЕМА

Перевод Ксении
Приходько

Мы в порядке

Валери Жессика Ляпорт

Неузнаваемая

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

Ляпорт В.

Неузнаваемая / В. Ляпорт — «Эксмо», 2020 — (Мы в порядке)

ISBN 978-5-04-247097-4

Она отличается от других детей. Боится громких звуков. Задает странные вопросы. Не участвует в играх. Не любит, когда к ней прикасаются. Когда ей страшно, она прячется между стеной и кроватью. Собственное тело для нее – сложный механизм, который нуждается в постоянном контроле. Мать отказывается признавать проблему, а когда врачи произносят слово «аутизм», кричит, что ее дочь нормальная. Однажды она понимает, что всегда будет чужой, не такой, как все. И тогда ей в голову приходит мысль: что, если она откажется от слов, изменится до неузнаваемости и сбежит из дома? Быть может, тогда она найдет свое место в этом странном, непредсказуемом и нелогичном мире?

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-247097-4

© Ляпорт В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1. Плеоназм	6
2. Между кроватью и стеной	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валери Жессика Ляпорт

Неузнаваемая

MÉCONNAISSABLE par Valérie Jessica Laporte

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом авторского воображения, либо используются вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, деловыми учреждениями, событиями или местами случайно.

© Ксения Приходько, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Soda Press

Copyright © 2020, Libre Expression, Montréal, Canada

Иллюстрация на обложке © Сачко В. В.

* * *

*Лишь только бы признать глазам
Его существованье —
И вот его сознание
Уже б открылось вам.*

1. Плеоназм

Все началось с того, что мама остригла пса. Она сказала, что его теперь не узнать и что он опять словно юный щенок. Я не удержалась, пружинка в моей голове щелкнула: плеоназм!

Дав определение обороту речи, я почувствовала такое сильное волнение, словно прошла в видеоигре квест-головоломку. Отпечатавшись у меня в мозгу, слово тут же прыгнуло на язык и без моего согласия вышло наружу.

Услышав, как «плеоназм» вылетел у меня изо рта, я поняла, что надо было ему помешать. Мама погасила улыбку, заменив ее чем-то другим, приставила к бровям на лбу две хмурых складки и больше не выражала любовь к собаке через движения. Она перевела взгляд с собаки на пол, как следует сжала губы и набрала в легкие больше воздуха, чем обычно. Я знаю, что люди задерживают дыхание, когда готовятся на что-то решиться, но ситуация подсказывала, что дело не в этом, а значит, риск непредвиденных неприятностей перестал быть нулевым и стал весьма вероятным. Непредвиденные события сеют хаос во вселенной. Они мне не нравятся.

Мама сказала, что если я не перестану тыкать людям в их ошибки, то никому не буду нравиться. Думаю, она снова сказала что-то не то, потому что я и так никому не нравлюсь.

До того как пойти в школу, я не знала, что лучше нравиться людям и что это – одно из правил. Я всегда очень внимательно слушаю инструкции и указания, чтобы все делать правильно. Правила – это общественный договор, позволяющий сохранять внешнюю устойчивость, когда сталкиваешься с чередой непредвиденных событий, разрушающих порядок. Правила позволяют мне знать о многих событиях заранее и готовиться к ним. Правила избавляют меня от необходимости постоянно оценивать, какой путь наиболее подходящий. Правила успокаивают меня и почти убеждают в том, что ситуации безопасны, потому что группа людей нашла время подумать об этом и разработать ряд инструкций, чтобы сделать их безопасными. Я люблю правила.

Я внимательно слушала правила, и мне никогда не говорили, что нравиться – одно из них. Если бы кто-то сказал мне, что меня должны любить, я бы спросила, как этого достичь, и постаралась бы сразу все делать как надо. Но этого не случилось, и я слишком долго шла по ложному пути, чтобы надеяться исправить ситуацию. В общем, в школе все меня ненавидят. Я одна из немногих, кто не выучил все уловки, помогающие этого избежать. Дома, на самом деле, не лучше.

Мамины слова прорастали на стенках моей головы, потому что я не знала, что с ними делать, и потому что они наслаивались на слова школьных кураторов, от чего вся конструкция становилась неустойчивой. Мне нужно было выбираться отсюда, прежде чем слова прорежутся еще глубже – или рухнут.

Я повернула ноги к двери, стараясь симметрично коснуться плитки. Получалось, что я трачу немного времени сейчас, чтобы меньше страдать потом. Я бы назвала это инвестицией. Я натянула рукав свитера поверх руки, чтобы повернуть ручку двери, не касаясь ее – иначе текстура удалила бы воздушную прослойку между моей кожей и предметом и не осталось бы запаса прочности, чтобы избежать слияния с текстурой: от сочетания волнение-влага-руки-металл всегда сочится липкий пот. Затем я через ткань надавила пальцами на вторую ладонь, чтобы уравнивать воздействие.

Я хотела бежать в укрытие, но от этого пол под ногами покрылся бы ухабами, так что пришлось сначала сохранять устойчивость на всех уровнях – чтобы не терять контроль. Поэтому я сосредоточилась на том, как с каждым шагом прижимаю пятку, центр стопы и пальцы ноги к полу, чтобы не допустить рассинхрона между частями тела с одной и с другой стороны. Уравнять тело – значит задержать его распад.

Посередине моей головы есть место, где я ощущаю что-то тяжелое и металлическое – словно там большой шар, который нельзя уронить. Он должен все время оставаться наверху. Внешние удары расшатывают его основание, и он без конца угрожает упасть и утащить меня за собой. Чтобы успокоить его, я калибрую свою левую и правую части, применяя симметрию, чтобы подгонять самое себя с каждой стороны. Поэтому лучше двигаться медленнее, чем застрять в коридоре, в плену у тела, которое на ногах не держится.

Я неправильно рассчитала оптимальное усилие, которое позволило бы мне спокойно зайти в комнату. Я не поняла, на какую сторону пришлось больше давления, но шар разбился. Вместе с ним разбилась и я. Моя кожаная оболочка рассыпалась по земле, и я больше не могла положить шар обратно в середину головы. Равновесие было нарушено, я была парализована, разделилась на тысячи мелких частей, фрагментов тела и фрагментов разума, беспорядочных, непослушных, неспособных собраться в одно целое, чтобы донести меня до моей комнаты. Мои уши уловили звуки недовольства, но не могли расположить их в ряд так, чтобы ниточка связалась в единую последовательность. Я чувствовала в маминых словах злость, но и сама тоже злилась; рассыпаться – это так больно. Из-за множества отверстий дыхание хриплое и горячее. Кислород неправильно заполняет два маленьких розовых шарика. Он расходуется беспорядочно, и большая часть теряется через дыры паники в моей разрушенной оболочке.

Я могу попытаться сдержать бурю, схватившись руками за ноги, но волна такая сильная, а я перед ней – ничто. Мне только и остается, что ждать ее конца. Это как с песчаной бурей: она хоть и швыряет песок нам в глаза, все равно исчерпает сама себя.

Я перестала бороться с телом, которое настиг приступ в неудобном коридоре из-за того, что шар раскололся.

2. Между кроватью и стеной

К моменту, когда мне удалось собрать себя по частям, успело стемнеть. Пес тесно прижался ко мне. Я осторожно отодвинула его, стараясь не расстроить. Мне повезло, что он многого не понимает. Это значит, он любит меня, что бы я ни говорила.

Измученная, я втиснулась между кроватью и стеной: в этой зоне сжатия я ощущаю себя стабильно, ровно и прочно, она окружает меня и успокаивает. Она помогает справиться с бурей, отбирая у волн место, чтобы не дать им стать сильнее. Мне придется остаться здесь на время, если я не хочу, чтобы кризис разыгрался снова.

То, что подобные места могут служить мне убежищем, я обнаружила совершенно случайно. В сентябре стояла жара, как летом, и шел первый учебный месяц. Мои бедра прилипали к деревянному стулу, а я пыталась отвлечься, убирая ногу с сиденья как можно медленнее, но так, чтобы было слышно, как она отклеивается. Для этого мне нужно было считать до ста, по четыре счета за подход, и перед каждым подходом задерживать дыхание. Если я слишком торопилась или пугалась, нужно было начинать сначала, как и если я отвлекалась на назойливую мысль. Я должна была избавиться от любых посторонних сигналов – слуховых, обонятельных, зрительных, – чтобы все мое внимание поглотила красная, раздраженная кожа бедра, которой я вскоре разрешу отлепиться от мебели согласно правилам, что сама и установила. Облегчение на несколько секунд служило мне наградой, – а потом все приходилось повторять заново.

Я сделала уже пять таких «отклеиваний» и готовилась провернуть шестое, как вдруг меня отвлекла *она*. *Ей* захотелось в туалет. *Она* быстро встала, и никакой «липучки» не было слышно – только синтетическое трение, потому что ее ноги были целиком покрыты слоем обтягивающих белых колготок. Это меня заинтриговало. Вопрос вырвался наружу сам собой:

– Белый слой вокруг ног – это чтобы не липнуть?

Она обернулась и закричала:

– Я хочу в туалет! Я не хочу описаться здесь! И ни к кому я не липну, я не прилипла какая-то!

Тогда я заплакала, потому что *ее* слова не отвечали на мой вопрос и *она* напугала меня своим пронзительным воплем.

Перед тем как я начала свою игру, дети синхронно спели: «С днем рожденья тебя! С днем рожденья тебя!» Тут я почувствовала, что бумага в моих руках вибрирует, поэтому я положила ее и сблизила ладони так, что они почти соприкоснулись, и почувствовала, как сотни сверкающих точек проходят сквозь них. Звучащие слова заставляли мои руки вибрировать, и мне было щекотно! Я очень разволновалась, начала подпрыгивать и раскачиваться на стуле, и тогда мадам подошла и велела мне сидеть спокойно, несмотря на то что прозвенел звонок.

Это противоречило правилам. Согласно им, при звуке колокольчика ученики должны были выстроиться в ряд по росту: от самых маленьких к самым высоким. Я была самой маленькой в классе. Я должна была идти впереди. Но мадам-в-завитушках решила усложнить задачу, сделав ее на уровень выше. Вероятно, чтобы испытать меня и убедиться – смогу ли я справиться, как большая, вопреки неожиданностям. По словам мамы, учительница считает, что я не умею приспосабливаться к переменам, но я собираюсь показать ей, на что способна. Поэтому, как только прозвенел звонок, вместо того чтобы по привычке броситься вперед, мимо толкучки со всеми-подряд-детьми, я не двинулась с места, дождавшись, когда почти все остальные построятся. А когда мадам-в-завитушках начала открывать дверь, я бросилась под свою парту и проползла под двумя другими партами, чтобы оказаться в первом ряду, где мне и место, и вылезла как раз вовремя, чтобы обойти детскую-очередь-змейкой.

Я была вполне довольна, и не только потому, что мои свежепоцарапанные колени избавили меня от ощущения склеенных бедер, но и потому, что я смогла соблюсти все правила, хотя

они казались взаимоисключающими. Я широко улыбнулась – даже зубы показала, – потому что мне нравится добиваться успеха в сложных заданиях. Но я не стала надолго сохранять это выражение лица, иначе десны не успеют как следует увлажниться, а при обычном положении рта застрянут и помешают нормально сомкнуть губы, что довольно неприятно.

Думаю, однако, что мадам-в-завитушках предпочла бы, чтобы у меня ничего не вышло, потому что она поставила свое тело так, чтобы создать преграду на пути, и велела мне немедленно пройти с нею в кабинет директора. Ее темно-рыжие вьющиеся волосы все меньше выделялись на фоне кожи, а лицо сравнялось с ними по цвету, став насыщенно-пунцовым. Мне стало интересно, покроется ли мадам-в-завитушках волдырями, – ведь побагровела она так, что ее лицо заблестело от множества капелек пота. Может ли она разозлиться так, что забурлит, как вода в макаронах?

От меня потребовали извинений за непослушание, но я отказалась их принести, ведь это была бы ложь. Задача казалась мне все менее и менее забавной, как квест, у которого нет завершения, – вот только я не могла закрыть игровую консоль, потому что это были настоящие люди, очень шумные и нервные. Школьная секретарша позвонила маме, но та работала и не могла прийти в школу, так что директор и багровая-мадам-в-завитушках решили отпустить меня обратно в класс. Она попыталась взять меня за руку, но прикосновения людей прожигают мне кожу, поэтому я закричала. Тогда она сказала:

– Она нарядилась в платье и белые колготки на свой день рождения, а ты ее обидела. Наверное, не стоит давать тебе приглашение.

Тут я вроде как поняла, что произошло, хоть и не до конца, и стала извиняться.

– Прошу прощения.

– За что?

– За то, что не поняла, что белые колготки надеты в честь дня рождения.

– Ты... Ты...

Ее нос приблизился к верхней губе, и на коже проступили веерообразные складки, – так бывает, когда весной открываешь дверь и обнаруживаешь, что рядом рассыпали навоз, – а потом она поджала губы. Мы вернулись в класс.

За шесть минут до последнего звонка с урока снова-побледневшая-мадам-в-завитушках попросила дежурного раздать каждой однокласснице по открытке, и так я получила свое первое приглашение на день рождения.

Бумага была сложена неправильно, несимметрично, поэтому я развернула ее в другую сторону, чтобы исправить ошибку, и сложила снова, но вышло не очень хорошо: бумага затопорщилась возле сгиба, образовав залом, поэтому, хотя передняя и задняя части открытки стали одинакового размера, они никак не желали накладываться друг на друга. Я вспомнила, что бумага до своего превращения в лист – это влажная паста, и решила придать ей эластичность с помощью воды из-под крана. Мне нужно было быстро решить проблему, потому что неровные вещи причиняют боль – словно все мысли в голове скованы наручниками. Я побежала в туалет, и моя задумка тут же удалась: бумага стала похожа на ткань, провисла, и я смогла сложить две половинки одна к одной. Но вот только они никак не желали выпрямляться. Вспомнив технику гербария, я положила открытку в дневник, чтобы высушить и посмотреть на нее позже.

Уже дома я поняла, что выравнивать приглашение придется слишком долго, поэтому подержала открытку перед вентилятором, оставив ее прижатой к дневнику, чтобы она повторила его очертания. В итоге она просто к нему приклеилась, и, хотя теперь она стала по-настоящему симметричной, я больше не могла отделить ее от страницы и ничего не порвать.

Так что на кухню я отнесла приглашение, приклеенное к дневнику.

– Ого! Ты завела подружку!

– Нет, не завела.

– Как нет, если да! Тебя пригласили, ты должна радоваться!

– Ну, не знаю.

– Почему ты не можешь просто порадоваться, а? И зачем испортила открытку? Что любит твоя подружка? Ты должна сделать ей подарок.

– Она мне не подружка.

– Ну да, ну да, конечно, – сказала она, позвонив матери не-подружки, чтобы подтвердить, что я приду.

День рождения был назначен на субботу. Мама хотела уговорить мои волосы, чтобы они дружно собрались в упругий пучок, но я видела, что они не хотят этого делать – ведь стоило маме надавить на них, как они пуляли в меня озорными иглами. Я громко кричала и чесала затылок, чтобы их успокоить. Мама сказала папе, что девочки из меня не выйдут. Он ответил, что ничего не может поделать и что это не его зона ответственности. Я не понимаю, почему это так важно, тем более что я уже хожу в туалет для девочек и во мне недостает частей для сборки мальчика. Мама решила, что я могу обойтись без укладки, если соглашусь надеть платье. У платья тоже есть оружие, причиняющее мне боль, но оно меньше и не такое эффективное, как у расчески. Платье колючее, но не вонзает острые иглы в мой череп. У меня не было выбора, кроме как пойти на менее болезненный компромисс.

Когда мы подъехали к *ее* дому, со двора доносилась музыка. Я не верю в магию, но если бы верила, то сказала бы, что в музыке есть волшебная сила. Когда она звучит чисто и ровно, она может довести меня до слез, даже если я в хорошем настроении. Когда звук грязный или ломаный или его насильно обрывают, мелодия мутирует и проделывает маленькие жгучие дырочки в моих ушах. В тот день музыка словно переливалась чистыми, новыми звуками.

Я хотела приблизиться к источнику звучания, но тут рядом заговорили взрослые, и я не смогла свободно пройти. Они обменивались репликами на автомате, как роботы. Иногда я развлекаюсь, пытаюсь угадать их следующую фразу. Выбор невелик. Всегда одно и то же, и я задаюсь вопросом, в чем смысл. Может, это как детские стишки, только для взрослых. Может, их успокаивает, когда они повторяют друг за другом слова, оказавшись вместе. А может, это проверка: не сломались ли другие взрослые. Если взрослый перестанет распознавать кодовые слова, выйдет ли он из строя, *испортится ли*, устареет? Интересно, что произойдет, если кто-то из них откажется от ритуала?

Мне очень хотелось пойти на звук.

– Проходи к остальным.

Я пробежала вперед и увидела их. Две колонки. Большие, квадратные, с потрясающей вибрацией. Я села напротив одной и смотрела, как дрожит ее поверхность. Она надувалась и сдувалась в такт музыке. Я чувствовала, с какой точностью предмет насыщается энергией, чтобы преподнести ее нам в подарок. А самое прекрасное – казалось, будто расположенный в центре круг принимает этот подарок, блаженно лучась гладким серебром. Я слышала его зов, почувствовала, что могу разместить в этом круге свой разум, чтобы он отдохнул. Я слилась с ним, чтобы в мое тело тоже проник этот звучный свет. Мне стало хорошо.

Не понимаю, зачем понадобилось отвлекать меня от этого. Это лишило меня сил, как будто я надолго задержала дыхание, – дошло аж до изжоги в пищеводе. Рана между дыхательным и пищеварительным отделами так разболелась, что я ни кусочка не могла отщипнуть от предложенного торта. Лучше бы я продолжала смотреть на колонку.

Носить платье было больно. Его маленькие колючки впивались мне в плечи и спину.

Чтобы не чувствовать этого, мне оставалось одно – не шевелиться. Поэтому я полностью замерла, глядя на кусок торта на своей тарелке, пока *она* и такие же, как *она*, пекли макарены и играли в поиски сокровищ.

Она объявила, что собирается устроить шоу, прямо как по телевизору. Ее родители выключили музыку, не дождавшись подходящего момента, который должен был быть между

двумя песнями. Они выключили ее небрежно, посреди проигрыша, не соблюдая правил. Они прервали звуковой коридор, и это меня разозлило. Я сильно прикусила губу, чтобы злость внутри меня не закусила удила: я обратила ее внимание на внутренний конфликт и тем самым снизила риск внешнего.

Она поднесла микрофон ко рту, но колонка запротестовала с ужасным шипением – то есть зафонила. Кажется, одна только я ощущала, как волны жалуются на свои страдания, ища выход, и насколько разрушительной в жажде мести может стать прерванная мелодия. Я схватилась за голову, чтобы создать защитные барьеры, потому что не могла помочь звуку, но он продолжал взывать ко мне о помощи, не обращая никакого внимания на то, что мне не хватает сил. Мне нужно было уйти прочь, бросив его здесь, потому что он занимал слишком много места внутри меня. Я боялась взорваться под его давлением.

Я направилась к дому в поисках укрытия: я должна была сбежать. Желание спрятаться привело меня в последнюю спальню, в дальней части дома, но даже оттуда я слышала наружный шум, а дальше не могла пройти – ведь на моем пути стояла стена. Я хотела вжаться в стену, чтобы она защитила меня, но, борясь с сопротивлением, проскользнула между стеной и кроватью, и это положило конец всем тревогам и неразберихе, взявшей в заложники тело и голову. Я пришла в норму – там. Между кроватью и стеной. Когда я очнулась, на меня много ругались, но это не имело значения, потому что я выиграла право больше не ходить на дни рождения и, самое главное, теперь я знала, что кровать и стена помогут мне спрятаться.

Я часто прибегаю к этому способу, вот как сего дня. Но сейчас я уже слишком большая, а кровать заменили на другую. Тело стало нетерпеливым и очень на меня сердится. Если оно хочет съежиться, то тут же и немедленно. Если я допускаю промах и не успокаиваю его, оно растягивается во все стороны. Болят все кости, как будто меня, как марионетку, берут и с бешеной скоростью скручивают в жгут, чтобы после превратить в крохотный шарик. Я не хочу быть марионеткой, но мне приходится быть ею, иначе нити оборвутся и я не буду знать, где находятся части моего тела. Поэтому мои руки машут во все стороны, а голос рвется в атаку, высасывая из меня воздух. Чтобы напомнить рукам и ногам о том, что они должны крепиться к телу, я иногда впиваюсь ногтями в кожу. Так я создаю метки, указывающие частям тела на их места. Может, именно поэтому я от боли начала скулить, как собака. Я вдавливала ногти слишком сильно.

Услышав, как плачет поверхность моего тела, я задумалась, почему мои звуки напоминают собачьи. У нас много общего. Может быть, это потому, что нас научили не показывать характер? Собакам не разрешают прыгать на людей, когда они счастливы, а мне не разрешают прыгать высоко и долго. Мы обязаны подстригать ногти и когти, даже если от этого нам очень страшно или идет кровь. Если я веду себя тихо при гостях, я получаю жевательную резинку, а если собака не лает на гостей, она получает лакомство. Думаю, мои родители считают меня умной маленькой собачкой.

Из книг по дрессировке вы можете узнать, что собаки любят подражать другим собакам. А я – не люблю. В школе я использую свои лучшие качества, чтобы подражать другим, и в голове не остается места для хороших оценок. Мне лучше, когда я предоставлена самой себе и отдыхаю от зеркального режима. В режиме зеркала мне приходится копировать разных людей, каждого понемногу. Раньше я использовала этот режим только с одним образцом за один раз, но это отпугивало людей, а если меня будут бояться, я не смогу учиться с нормальными людьми. Поэтому я имитирую движения ног одного одноклассника, дыхание второго, голос новичка и темы разговора еще кого-то. Вот так все и происходит. Я очень устаю, потому что мне приходится иметь дело с таким количеством подходящих персонажей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.